
МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

УДК 39:069.5

Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела этнографии народов Кавказа,
Средней Азии и Казахстана
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

ЛАРИСА ФЕДОРОВНА ПОПОВА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
заведующая отделом этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: rem_larisa@mail.ru

Статья представляет собой очерк структуры и содержания экспозиций «Народы Средней Азии и Казахстана» и «Народы Южного Кавказа», открывшихся в Российском этнографическом музее в 2009–2012 гг. Авторами используется представление о регионе как мультикультурном пространстве, в котором составляющие его культуры взаимодействуют в синхронном и диахронном планах. Основной результат работы по подготовке экспозиции состоит в том, что удалось нагляднее раскрыть многочисленные взаимосвязи населения регионов и тем самым препятствовать упрощенному восприятию проблем региональных межэтнических отношений.

Ключевые слова: этнографический музей, экспозиция, регион, этническая культура, межэтнические связи, взаимодействие культур.

UDC 39:069.5

Exhibition Stands of “Peoples of Central Asia and Kazakhstan” and “Peoples of Southern Caucasus” in the Russian Museum of Ethnography as Products of Regional Approach

VLADIMIR A. DMITRIYEV, D.Sc. (History)

Topmost-grade researcher, Department of the Peoples of Caucasus, Central Asia and Kazakhstan
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

LARISA F. POPOVA

Head, Department of the Peoples of Caucasus, Central Asia and Kazakhstan
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
e-mail: rem_larisa@mail.ru

The new stands titled “Peoples of Central Asia and Kazakhstan” and “Peoples of Southern Caucasus” in the halls of the Russian Museum of Ethnography are the fruit of regional approach. This essay covers the organization and subject matter of these two displays opened in 2009–2012. The writers view the area as a multicultural space, in which its constituent cultures interact in synchronic and diachronic manner. The main achievement of the exhibit preparation work is that we have succeeded in giving a fairly lucid and diversified picture of involvement and interaction of various groups of regional population and thus precluded a simplistic perception of interethnic relations there.

Key words: Ethnographic Museum, exhibition, ethnic culture, ethnic contacts, cultural interaction.

Российский этнографический музей располагает крупнейшим собранием памятников традиционной культуры народов Кавказа и Средней Азии, формирование которого происходило на протяжении всего периода существования музея, с начала его основания в 1902 г. В настоящее время собрание по традиционной культуре народов Кавказа насчитывает около 32 тысяч экспонатов, а по региону Средней Азии и Казахстана — около 28 тысяч. Данные собрания отличает тематическая широта и та высокая степень репрезентативности, которая позволяет отразить все основные стороны традиционной культуры населения региона, причем как крупных этносов, так и небольших этнических и этнографических групп.

Определение принципов и концептуальных подходов к экспонированию музейных коллекций всегда составляло важнейшую сторону научной работы РЭМ и зависело от различных факторов — идеологии исторического периода, уровня развития этнографической науки, достижений в области музееведения. Настоящая статья представляет собой аналитический очерк структуры и содержания экспозиций «Народы Средней Азии и Казахстана» и «Народы Южного Кавказа», открывшихся в РЭМ в 2009—2012 гг.¹. Особого внимания заслуживают результаты использования регионального подхода к организации коллекционных задач. По мнению авторов статьи, основным объектом показа при использовании данного подхода является традиционная культура населения определенного региона как ареала концентрации культурно-исторических признаков, рассматриваемая как результат исторически сложившихся культурных, хозяйственных связей между представителями различных этнических общностей, развитие которых происходило в сходных природно-климатических условиях. Наряду с общими чертами региональный подход предполагает отражение в экспозиции этнических особенностей культуры наиболее выразительным этномаркирующим материалом.

Данный подход в различной степени был востребован практически на всех этапах истории экспозиционного строительства РЭМ.

Уже в 1910-е гг. в Этнографическом отделе Русского музея была разработана концепция первой его экспозиции, которая открылась только в 1923 г.² Структура экспозиции отразила исторически сложившиеся на территории России историко-культурные регионы, население которых формировалось под влиянием ряда сходных факторов (географических, природных, исторических, культурных). Один из разделов был посвящен традиционной куль-

туре народов Кавказа и Средней Азии. Принципы показа коллекций основывались на сочетании типологических и эволюционных предметных рядов, а также формировании тематических комплексов экспонатов, характеризующих культуру либо одного, либо нескольких этносов. Каждый из приемов экспонирования имел свою логику и в той или иной степени получил в дальнейшем свое развитие в экспозиционной практике музея. В тот же период были заложены и основные принципы художественного решения экспозиций музея — использование антропологических манекенов, обстановочных сцен («жизненных комплексов»), фотографического и иллюстративного материала.

В 1930-е гг. экспозиционная структура Государственного музея этнографии народов СССР (название музея с 1934 по 1948 г.) отразила принципы национального устройства страны: одна часть музейных площадей отводилась для экспозиций по традиционной культуре народов союзных республик (украинцев, белорусов, узбеков, казахов, туркмен, азербайджанцев, армян, грузин), другая часть — для экспозиций по культуре народов РСФСР, которые имели свои автономии. Наряду с экспозициями, посвященными культуре одного народа, были посвящены экспозиции, отражающие культуру отдельных областей — «Народы Саяно-Алтая», «Карелия и Кольский полуостров», «Русские центрально-черноземной области». В 1939 г. открылась экспозиция «Народы Северного Кавказа», которая явилась важнейшей вехой в экспозиционной работе музея. Авторы этой экспозиции впервые последовательно использовали региональный подход, выделив общерегиональные культурные черты, для отражения которых был привлечен коллекционный материал по культуре тех народов, у которых данные типические характеристики получили наиболее яркое выражение³.

Использование регионального подхода продолжилось в практике экспозиционного строительства 1960—1980-х гг., определенного генеральным планом развития музея (1956). В это время экспозиционная структура Государственного музея этнографии народов СССР сохраняла принцип 1930-х гг., лишь количество экспозиций увеличилось в связи с расширением состава Советского Союза после Второй мировой войны. Получили развитие и экспозиции по этнографии тех народов, которые имели свои автономии в составе РСФСР — на территории Сибири, Поволжья, Северного Кавказа. Именно эти экспозиции воплощали принципы регионального подхода, причем реализованного в двух вариантах. Первый из них являл собой тип объединяющей экспозиции, состоя-

Часть экспозиции «Народы Средней Азии»

Часть экспозиции «Народы Средней Азии»

Часть экспозиции «Народы Средней Азии»

Часть экспозиции «Народы Южного Кавказа»

щей из самостоятельных блоков, характеризующих культуру каждого из крупных этносов региона или группы родственных этносов (экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья», «Народы Сибири»). Экспозиция «Народы Северного Кавказа», обновленная в 1970 — начале 1980-х гг. на основе прежней концепции, представляла второй вариант с акцентом на региональных чертах культуры.

Опыт подачи материала по региональному принципу был использован также в 1960—1980-х гг. при создании ряда экспозиций по этнографии современности, составлявших неотъемлемый компонент экспозиционной структуры музея: «Новое и традиционное в современном национальном жилище и одежде», «Современные обряды и праздники народов СССР», «Современное декоративно-прикладное искусство народов СССР». Создание первой из них являлось оригинальной концептуальной разработкой музея⁴, вторая, при авторстве его сотрудников, имела в качестве методологического основания тематические разработки многих советских обществоведов, в том числе и этнографов академических учреждений⁵, третья также была, в основном, разработана сотрудниками музея⁶. Существенно, что названные экспозиции, как и предшествующая им экспозиция «СССР — Союз равноправных народов», включали материал по культуре разных этносов, который группировался по тематическим блокам. На экспозиции «Современное декоративно-прикладное искусство народов СССР» экспонаты объединялись не столько по тематическому принципу, сколько по региональной близости культур.

В начале 1990-х гг. экспозиции по современной проблематике были демонтированы, оправданием чему было стремление отказаться от идеологизированных подходов и обратиться к сугубо этнографическому содержанию экспозиций — традиционно-бытовой культуре. В связи с распадом СССР была закрыта экспозиция по этнографии эстонцев, латышей и литовцев, а значительная часть ее экспонатов была возвращена в музеи Прибалтийских стран. Впоследствии в связи с реконструкцией музейных залов были разобраны еще семь экспозиций, в том числе по культуре народов Южного Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Таким образом, трансформация государственного устройства в известной мере обусловила изменение экспозиционной структуры Российского этнографического музея. Необходимо отметить, что этот фактор был не единственным, однако авторы статьи по понятным причинам не ставили перед собой задачу проанализировать все обстоятельства, связанные с изменениями в практике экспозиционного

строительства РЭМ, произошедшими в конце 1990-х и в начале 2000-х гг.

Важно то, что на повестку дня была поставлена необходимость создания компактных с точки зрения занимаемой площади и более емких в плане объема транслируемой этнографической информации экспозиций. Это и подсказывало общий путь решения проблемы, а именно — обращение к региональному подходу. Кроме того для таких регионов как Кавказ и Средняя Азия, ставших в постсоветский период ареной напряженных межэтнических конфликтов, весьма актуальным казался перенос ценностно-содержательного акцента экспозиций с этнической общности на региональную.

Конкретная региональная специфика позволяет избежать однотипности музейных презентаций при использовании общего подхода и неизбежно обуславливает оригинальность каждого экспозиционного проекта. В последнем убедил опыт создания в РЭМ экспозиции близкого модельного плана, такой как «Народы Северо-Западной России и Прибалтики». Ее авторы пошли по пути выделения не региональных, а культурологических конструкций, обладающих, однако же, собственной пространственной реальностью, отраженной в разделах экспозиции — «Люди моря», «Люди земли», «Люди леса», «Люди тундры».

На подготовительном этапе создания обеих анализируемых экспозиций важную роль сыграли крупные выставки, созданные в отделе этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана — это «Текстиль кочевников Средней Азии» (Амстердам, Антверпен) и «Культура народов Кавказа и Крыма» (Антверпен), тематическая структура которых базировалась на характеристиках феноменов региональной культуры. Выставка «Две Иберии» (Валенсия) явилась продуктивным опытом в построении образов грузинской культуры и культуры народов Причерноморского региона (адыгские народы, абхазы).

Необходимым условием при разработке концепции экспозиций явилось теоретическое определение историко-культурного региона и признаков региональной специфики. Общее определение культурного региона исходило из следующего положения: регион — это территория (геотория), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих ее элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории⁷. В определение понятия регион российские ученые вводят представления о его пространственно-терри-

ториальной целостности и единстве взаимодействия его частей⁸, наличии мультикультурного пространства, в котором составляющие его культуры («несколько культур») взаимодействуют («сосуществуют <...> либо сменяют друг друга...») в синхронном и диахронном планах⁹. Отмечая перспективность регионалистики в историческом исследовании, можно указать на развитие археолого-этнографического направления, изучающего преемственность археологических и этнографических источников в контексте региона, в России это направление особо результативно развивается на материале локальных территорий Западной Сибири¹⁰.

Регионы в нашем понимании соотносятся не с административно-территориальными делениями, а с областями культурно-исторического единства, которыми являются историко-этнографические провинции, в данном случае Кавказ и Средняя Азия совместно с Казахстаном¹¹.

В ходе работы было принято следующее видение региональной специфики Средней Азии и Кавказа.

Средняя Азия и Казахстан — это обширный регион, простирающийся от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке, от Западно-Сибирской равнины на севере до Иранского нагорья и хребтов Гиндукуша на юге. Для Средней Азии основным направлением этногенетических процессов являлось становление ирано-тюркского синтеза, единство региона определялось разнообразными формами оседло-кочевнических отношений. Это определило главную особенность культурного облика Среднеазиатско-казахстанского региона, состоящую в тесном соседстве и взаимодействии двух типов цивилизации — оседлой, земледельческой и кочевой, скотоводческой. Первая сложилась в долинах рек и гор, вторая — в зоне степей и пустынь. На границах степей и долин возникло полукочевое хозяйство с различным соотношением доли земледелия и скотоводства. Оседлый образ жизни в регионе вели таджики, часть узбеков, часть туркмен, группы каракалпаков и киргизов, а кочевой и полукочевой — казахи, киргизы, каракалпаки, часть туркмен и узбеков. Контакты оседлого и кочевого населения имели как политический, так и экономический характер. Кочевники много способствовали развитию региональной и транзитной торговли, предоставляя караванам материальное снабжение, транспортные средства, проводников и охрану.

Кавказ в географическом плане соотносится с Кавказской горной страной, т. е. гористым регионом с границами по побережью Черного и Каспийского морей, четко отделяющимся по

линии Главного Кавказского хребта от степных районов Евразии, но не имеющим такой границы на юге со стороны Малого Кавказа. Один из векторов развития этнических процессов на Кавказе складывался в контексте связей Восточной Европы и Передней Азии. Одним из основных цивилизационных признаков Кавказа является полиэтничность. Культурно-типологическое районирование региона еще не разработано, но, по нашему мнению, все возможные типологические схемы могут быть построены на признаках экологической адаптации, примером чему может служить типолого-пространственная классификация кавказского жилища, разработанная В.П. Кобычевым¹². Нельзя не принимать во внимание, что при наличии в обыденном сознании и установках национальных культурологических и исторических школ этноцентристских позиций культурные ценности метаэтнического характера зачастую присваиваются в качестве «своих», этнических. В региональных научных дискурсах признается выделение кавказской традиционно-культурной общности, но с приоритетом изучения этнических общностей. Общепринятым является разделение Кавказа на Северный (Северный Кавказ и Дагестан) и Южный, или Закавказье. В политическом отношении Северный Кавказ и Дагестан относятся к российскому пространству в отличие от стран Южного Кавказа, которые после 1991 г. получили государственный статус. Соответственно Северный Кавказ и Дагестан имеют научное описание, в различной степени разделяемое жителями этих областей как полиэтничных субрегиональных общностей, а для Южного Кавказа ведущим общественным дискурсом является описание в этнополитических характеристиках: Грузия, Армения, Азербайджан, Абхазия.

Учитывая данные обстоятельства, для репрезентации традиционной культуры Кавказа была предложена развивающаяся в перспективе модель экспозиционного комплекса, в котором при уже существующей экспозиции «Народы Северного Кавказа», в первую очередь разрабатывалась экспозиция по культуре народов Южного Кавказа. Связующее положение между ними занимает экспозиция «Кавказская горная страна», призванная отразить явления, принадлежащие к общекавказским традициям. В перспективе находится создание экспозиции по народам Дагестана. Такой сложный комплекс экспозиций должен иметь зоны переходного характера, одной из которых является тематический раздел «Кавказский город». Исторические параметры культурного признака «город» в конце XIX в. связывались сугубо с реалиями Южного Кавказа, однако уже в начале XX в.

этот признак может рассматриваться как общекавказский, поскольку в имперский период процесс развития городов охватил и Северный Кавказ. Как с объективных позиций, так и по содержанию коллекционной базы музея эту диалектику лучше всего могут отразить материалы по быту Тифлиса — крупнейшего регионального административно-культурного центра дореволюционного периода. Одним из обстановочных комплексов, представляющих городскую тему, является сцена «Лавка тифлисского ювелира», содержание которой характеризует как специфику собственно ювелирного промысла, так и явление регионального отходничества, более всего связанного именно с этой профессией. Главной задачей тематического комплекса «Ковровая лавка» является репрезентация ковроделия как масштабного культурного признака Южного Кавказа. В экспозиционном блоке «Городские типажи» экспонируются костюмы таких ярких представителей тифлисского простонародья, как мелочный торговец кинто и переносчик бытовых грузов муша.

Тема восточного города, ярко звучащая на обеих экспозициях, во многом обусловила сходство их художественно-архитектурного решения, разработанного художником-дизайнером Б. А. Робенко. Одним из доминантных образных элементов экспозиций является арка, причем как искусственная, возведенная с целью декорирования и членения пространства экспозиции, так и архитектурная — органическая деталь музейных залов. На экспозиции «Народы Южного Кавказа» перед дизайнером стояла задача раскрыть арки второго этажа, связывающие зал с галереей, и тем самым вернуться к первоначальному замыслу архитектора В. Ф. Свиньина. Ранее в проемах арок располагались высокие шкафы с глухими перегородками. Арки можно было оставить свободными, но потеря выставочных площадей при этом стала бы губительной для решения экспозиционных задач. Дизайнером было найдено интересное решение — использовать невысокие прозрачные витрины, позволяющие дать панорамный обзор экспонатов и сохранить ощущение легкости аркады. Этот прием стал выигранным для экспозиции, обеспечив дополнительное ее освещение от светового фонаря центрального зала левого крыла. Система арок была использована и для преобразования внутреннего пространства экспозиции, которое вследствие этого как бы пульсирует, то сужаясь, как в горах, то расширяясь и раскрывая новый вид. На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» мощные стрельчатые арки создают образ Востока с широким спектром возможных ассоциаций.

В систему приемов для создания условного образного пространства региона Б. А. Робенко включил и конфигурацию витрин, которая «на Кавказе» угловатая, «ломаная», создающая ощущение горного рельефа, но может быть прочитанная и как метафора остроты и контраста культурных особенностей. На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана», например, в зале, посвященном культуре кочевников региона, большая центральная витрина имеет плавный округлый контур, задающий ощущение бескрайнего степного пространства.

Движение посетителя на экспозициях преимущественно линейно, что обыграно дизайнером в образе пути, открывающем посетителю разные культурные ландшафты — улочку города, сельскую усадьбу, подворье монастыря, загородное застолье на природе и др. Тема пути поддержана верхним фризом — сюжетным коллажем, созданным при помощи компьютерного дизайна на основе этнографических фотографий. Основной художественный эффект этого экспозиционного приема — «живая» картина повседневности, содержание которой связано с тематикой соответствующего раздела.

При очевидном различии анализируемых экспозиций, обусловленном, прежде всего, спецификой региональной культурной модели, налицо закономерное сходство их структуры, что во многом связано с использованием регионального подхода. Так, экспозиции открывают Раздел I, отражающий явления хозяйственно-культурной адаптации населения региона и содержащий следующие вводные тематические блоки: «Этническая территория и расселение», «Хозяйство», «Поселения»; Раздел II посвящен характеристике этнических и субэтнических культур каждого региона.

Задачей Раздела I является представление региона как территории, обладающей культурной целостностью и общностью исторических судеб. Тем самым именно данный раздел аккумулирует наиболее общие региональные характеристики. В теоретическом отношении авторы опирались на такие концепции отечественных исследователей, как теория историко-этнографических областей и хозяйственно-культурных типов¹³, а также установки этноэкологии¹⁴. Вместе с тем отражение материала общетнологического характера на музейной экспозиции потребовало самостоятельных решений в способах его интерпретации и подачи, а, следовательно, может рассматриваться как авторский вклад в региональные исследования.

Подраздел «Этническая территория и расселение» построен на основе текстов и карт-схем, дающих представление об ареале расселения того или иного этноса. Границы ареалов

переданы заведомо условно, поскольку этнические границы в отличие от административных обычно не имеют четкой локализации. Как известно, в этом состоит первопричина многих межэтнических конфликтов, поэтому во избежание политического подтекста авторы исходили из постулата, что одной из задач этнографической экспозиции является отражение культуры определенной территории, носителями которой в ряде случаев могут быть разные этнические группы. Ареалы расселения переданы цветом на фоне географических объектов (экспозиция «Народы Средней Азии и Казахстана») или надписью на физической карте (экспозиция «Народы Южного Кавказа»). В первом случае применение цвета оправдано тем, что карта расположена высоко и посетитель легче воспринимает информацию через цветовой сигнал, преимущества же физической карты с надписью — в наглядной связи ландшафта и этнической территории, что помогает посетителю легче воспринять те культурные характеристики, которые далее развернуты на экспозиции.

Этнические номинации на картах-схемах соответствуют современным реалиям, во многом сформированным при создании СССР. Во вводных текстах имеется пояснение, что в начале XX в. этническое самосознание большей части населения не было отчетливо сформировано, а групповое самоопределение обуславливалось религиозной принадлежностью, местом жительства, родоплеменной генеалогией и даже ландшафтом обитания.

Вводный текст также содержит краткую информацию о локализации региона, его природных особенностях, этнолингвистическую характеристику и сведения о религиозной принадлежности населения. В целом карты и их текстовое сопровождение помогают масштабнее раскрыть многочисленные взаимосвязи населения регионов и тем самым препятствовать упрощенному восприятию проблем региональных межэтнических отношений.

Подраздел «Хозяйство» во вводном разделе является центральным, поскольку в нем заложены те основные смысловые связи, которые объединяют весь экспозиционный материал. Его содержание подчинено следующим задачам:

1. Отразить связь природных условий и основных занятий населения; показать, что этот фактор определяет общность форм хозяйства у разных этносов и их разнообразие у одного;
2. Выделить зоны автаркии и зоны активных хозяйственных контактов — важных условий культурного своеобразия этих зон; определить формы их взаимодействия в разные исторические периоды.

На экспозиции «Народы Южного Кавказа» этот подраздел имеет разветвленную структуру и включает несколько тем: «Основные и подсобные занятия населения как типы жизнедеятельности и освоения среды», «Виноградарство», «Скотоводство», «Обработка шерсти», «Пища и хозяйственная утварь». Основной экспозиционный ряд в теме «Основные и подсобные занятия» составляют манекены как образы субъектов хозяйственной деятельности из разных районов региона: рыбак-аджарец, житель черноморского побережья; охотник-сван, горец; всадник-скотовод, курд, представитель полукочевников равнинных областей юго-восточного Кавказа; пахарь-армянин, земледелец нагорий Малого Кавказа. В комплексе с манекеном демонстрируется хозяйственный инвентарь (наиболее полно — земледельческий).

Комплекс «Виноградарство» указывает на древность и общерегиональный масштаб культивирования винограда, а также разные способы его употребления, в том числе и как сырья для изготовления вина. Тема раскрывается на основе условно смоделированной части винохранилища марани, которое находилось в усадьбе грузинского дома и выполняло также функции культового помещения.

Тема «Скотоводство» состоит из нескольких комплексов, отражающих два основных типа разведения скота: полукочевой (локальный) и отгонно-пастбищный (распространенный повсеместно). Первый представлен фигурами курда и снаряженного коня, второй — двумя обстановочными сценами: «Перед перегонном овец с зимнего пастбища на весеннее», включающей фигуры богатого и бедного скотовода, и «Пастушеский быт», в центре которой фигура пастуха-тушина и предметы ухода за скотом. Данная тема получает развитие в подразделе «Культура азербайджанцев» Раздела II (сцена «На летнем пастбище»), что является примером связи материала основных разделов экспозиции.

На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» тема «Хозяйство» решена более обобщенно на основе характеристики двух ведущих типов хозяйственной деятельности населения — ирригационного земледелия и кочевого/полукочевого скотоводства. Существование этих типов составляло основную специфику культурного облика региона. Ввиду небольшого пространства в витрине стержнем экспозиционного комплекса явились две графические схемы — одна наглядно представляет ирригационную систему Хорезмского оазиса, другая — этапы цикла круглогодичного кочевания. Предметный ряд темы соответственно

включает сельскохозяйственные орудия труда и предметы ухода за скотом.

На обеих экспозициях особый акцент сделан на таком важном условии хозяйственной деятельности, как водоснабжение. Для Средней Азии с ее засушливым климатом необходима ирригация в сельскохозяйственных зонах (помимо упомянутой схемы демонстрируется фотография водоподъемного сооружения чигирь и сосуд для чигиря), а в скотоводческих областях — строительство глубоких колодцев для водопоя скота (предметы: кожаное ведро для подъема воды и поилка для скота). Для культуры Южного Кавказа подчеркнута значимость добычи воды как институционально женского занятия (на основе фигуры женщины-талышки с сосудом для воды).

Тема «Пища и хозяйственная утварь», включающая на экспозиции «Народы Южного Кавказа» подтемы «Хранение воды», «Обработка молочных продуктов», «Хлебопечение», акцентирует внимание посетителя на особенностях пищевого рациона населения региона и типичных приемах приготовления пищи. На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» данная тема развернута в двух подразделах, иллюстрируя специфику культуры оседлого и кочевого населения.

Обработка шерсти трактована авторами экспозиции «Народы Южного Кавказа» как культурное явление общерегионального масштаба при наличии локального своеобразия данного вида домашнего ремесла — это и обусловило его характеристику в рамках отдельной темы вводного раздела.

Включение темы «Поселения и жилища» во вводный Раздел I объясняется ее прямой связью с предыдущими темами в плане развития основной идеи введения — природные условия суть важнейший фактор своеобразия форм материальной культуры населения. В рамках данной темы наглядно можно характеризовать культуру региона как систему адаптивных стратегий населения.

Каждая тема экспозиции, отражая системность традиционной культуры, имеет содержательный потенциал для характеристики ее разных сторон. Так, тема «Поселения и жилища» глубоко связана с вопросами социальной организации этноса, поскольку структура поселения зачастую формировалась на основе принципов социального устройства. Например, для поселений среднеазиатских земледельцев характерна квартальная система, где квартал, по сути, являл собой соседскую или родственную общину, скрепленную также обязательным членством прихода квартальной мечети.

Также эта тема имеет большие возможности для показа системы региональных связей раз-

ного характера — экономических, торговых, транспортных, культурно-образовательных, религиозно-культурных. В этой связи особенное звучание получает тема восточного города как административного, торгово-ремесленного, религиозного центра, формирующего вокруг себя округу (в Средней Азии — оазис) с характерным обликом культуры.

Напомним, что на экспозиции «Народы Южного Кавказа» тема города развернута как самостоятельная часть экспозиционного пространства, а типы сельских поселений характеризуются посредством макетов, дающих также представление о типологии жилища (причерноморский дом на сваях, плоскокровельное жилище южных склонов Большого Кавказа, полуземлянка Малого Кавказа, дома со скатными крышами предгорий центральной части региона и др.). Кроме того, элементы городской культуры фигурируют в подразделах Раздела II, где экспонируется интерьер дома грузинского князя, интерьер городского жилища у армян, обстановочная сцена «В азербайджанской чайхане».

На экспозиции «Народы Средней Азии» тема «Поселения» решена на основе фотографий следующего содержания: вид Бухары как пример городского поселения; виды сельских поселений — хутор Хорезмского оазиса, равнинный кишлак с уличной планировкой, горный кишлак с гнездовой планировкой, временное поселение кочевников из разборных жилищ (юрт). Собираемый образ города масштабно представлен в одном из двух залов как составная часть характеристики оседлых культур равнинных оазисов, где преобладающим населением являлись таджики и узбеки.

Основная задача Раздела II — отражение особенностей этнических культур региона. Использование регионального подхода воспрепятствовало традиционной «монографической» модели подачи материала и продиктовало иную логику его отбора и компоновки. Так, авторами учтен факт существования в регионах надэтнических общностей, которые имеют разную природу и соответственно разную ценностную рефлексию населения: на Южном Кавказе — это христианская и мусульманская суперкультуры, а в Средней Азии — оседлая и кочевая. В связи с этим на экспозиции «Народы Южного Кавказа» культура христианских народов (грузин и армян) представлена в едином пространстве, маркированном аркой с символикой креста, а культура мусульман (азербайджанцев) — в пространстве, отделенном от первого стрельчатой аркой в мавританском стиле. На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» культуры оседлого и кочевого населения экспонируются в отдельных залах,

каждый из которых имеет свое художественное решение. В означенных экспозиционных пространствах границы тем неярки — главным образом они заданы расположением витрин.

При отборе материала для характеристики этнических культур авторы не отклонялись от принятых в РЭМ приемов репрезентации как основных систем жизнеобеспечения этноса, каковыми являются ремесла, жилище, костюм и др., так и форм духовной культуры. Однако же акцент при формировании тематических комплексов, как уже упоминалось, был сделан на наиболее ярких специфических чертах культуры этноса.

Выделение этномаркирующих черт культуры является одной из наиболее сложных этнологических задач, поскольку при этом приходится «препарировать» очень сложную ткань традиционной культуры, существующую к тому же в системе разнообразных региональных связей и влияний. Авторы опирались как на имевшиеся разработки, воплощенные на предшествующих экспозициях, так и на собственный анализ этнических авто- и гетеростереотипов. В результате еще на стадии создания концепций экспозиций авторский коллектив выработал определенные образы той или иной этнической культуры, которые методически рассматриваются как возможный инструмент ее познания и репрезентации.

Отобранный материал для характеристики этнических культур также требовал своей внутренней организации. Каждый «этнический» раздел на экспозиции «Народы Южного Кавказа» имеет свою вводную часть, включающую карту, текст и две электронные фотографические рамки, расширяющие представление об облике характеризуемой культуры. Впервые характеристика религиозных традиций народов Южного Кавказа подается уже во вводной части к разделам и рассматривается как основа их мировоззрения, идентичности и многих черт культурного своеобразия. Таким образом, произведена акцентуация идейно-ценностных компонентов этнической культуры народов Южного Кавказа.

В подразделе «Армяне» приведены краткие сведения об истории, основных догматах и практиках Армянской Апостольской Церкви, на протяжении многих веков игравшей особую роль в сохранении этноса в иноконфессиональном и иноэтническом окружении. Христианская составляющая мировосприятия армян являлась важным фактором универсализации их материальной и духовной культуры. Эту идею призваны отразить атрибуты официальной церковной практики (священнические кресты, потир и др.), внецерковные религиозно-бытовые предметы (вотивы), а также памятный

крест-камень хачкар, объединяющий официально-церковный и традиционно-бытовой аспекты армянской культуры. В рамках темы «Жилище» экспонируется сакральный комплекс, основу которого составляет такой многозначный элемент христианской культуры, как кодекс, содержащий Св. Писание.

В подразделе «Грузины» в данной теме выделены два основных аспекта: с одной стороны, раннее принятие в Грузии православия и крупная роль автокефальной грузинской православной церкви в духовной консолидации народа, а с другой подчеркнут синтез православной ортопраксии с локальными религиозными культурами. Последние характеризуют предметы, связанные с культом св. Георгия, молитвенные и жертвенные святыни, а также предметы из горского святилища.

В подразделе «Азербайджанцы» отмечена роль мусульманства на Южном Кавказе и показана специфика шиизма, состоящая в бытовании праздника-мистерии Ашура (в честь шиитских святых Али и Хусейна), большей чем в суннизме материализации культовых символов (молитвенный ковер с изображением человеческой фигуры, «рука Фатимы»), особой роли амулетов и гадательных предметов. Характеристику повседневности мусульманской культуры дополняет фигура женщины в чадре.

На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» особенность религиозных практик подана с учетом их специфики в оседлой и кочевой среде. Соответственно в подразделе «Культура таджиков и узбеков равнинных оазисов» тема «Ислам» в числе первых располагается в контексте культуры города, который на мусульманском Востоке всегда являлся религиозным центром, где располагалась пятничная мечеть, а также высшие учебные заведения медресе. В данной теме отражена идейно-практическая двойственность регионального ислама, когда наряду с классическими формами культа, связанными с мечетью, большую популярность обрел «ислам мазара», связанный с деятельностью суфийских орденов. В заключительной части экспозиции в подразделе, посвященном культуре кочевых народов, охарактеризованы доисламские культы, дольше сохранявшиеся в культурной среде кочевников.

Возвращаясь к приемам генеральной организации материала в Разделе II, подчеркнем, что на экспозиции «Народы Южного Кавказа» она подчинена еще одному принципу — отражению гендерных ролей, имеющих на Кавказе высокую степень нормативности. Мужская субкультура представлена комплексами, характеризующими художественно-производственную деятельность армян в следующих специальностях: камнеобработка, кузнечество, медниче-

ство, набойный промысел, ювелирное дело, изготовление музыкальных инструментов. Сцена «В чайной» подраздела «Азербайджанцы» показывает элитарную субкультуру зажиточного населения восточного города. Для мужской социализации грузин подчеркнута важность темы оружия и личной военной доблести.

Женская субкультура Южного Кавказа в подразделе «Армяне» отражена посредством характеристики семейно-возрастных статусов «девица», «невестка», «старшая хозяйка», данной на основе соответствующих фигур в контексте жилища и домашнего пространства. В другом случае, в подразделе «Азербайджанцы», женские роли «мать» и «дочь» характеризуются в рамках одного из обрядов свадебного цикла — сцене «Прощание невесты с родительским домом». Для четкости пространственных решений экспозиции темы, связанные с мужской и женской субкультурой, расположены в противоположных экспозиционных рядах.

На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» сквозной объединяющий характер имеет тема «Обряды жизненного цикла». Так, в начале экспозиции на материале оседлого населения равнинных оазисов посредством обстановочной сцены показан эпизод одного из обрядов детского цикла — положение в колыбель. Свадебные церемонии охарактеризованы далее по ходу экспозиционного маршрута в нескольких темах: «Таджики горных областей» (экспонируются костюм и лицевые занавески невесты, короб для приданого, ручные платки жениха, обрядовый мешок для зеркала), «Туркмены» (многофигурная обстановочная сцена приезда невесты в аул жениха), «Каракалпаки» и «Казахи», где демонстрируются уникальные костюмы невесты. Содержательные черты погребально-поминальной обрядности раскрыты на киргизском материале на основе уникального женского траурного костюма, похоронной люльки, утвари для поминальной трапезы. Безусловно, что, например, туркменский материал по свадьбе не может компенсировать его отсутствие в теме «Культура киргизов», однако он все же позволяет экскурсоводу говорить об общих и особенных чертах этого вида обрядности в контексте региональной культуры.

Обе экспозиции отличает закономерное внимание к культуре субэтнических групп. На экспозиции «Народы Южного Кавказа» наиболее ярко данная экспозиционная линия реализована в подразделе «Грузины», что отражает особую сложность этого этноса. Так, культура грузин-горцев, отличающаяся культурной и социальной архаикой вследствие их географической и социальной изоляции, охарактеризована на основе комплексов одежды хевсуров и

тушин, а также предметов воинской культуры, необходимых в мужской социализации, и предметов утвари как атрибутов женской субкультуры. Комплекс, состоящий из фигуры гурийца и предметов вооружения, представляет культуру Западной Грузии, испытавшей влияние Османской империи. Культура грузин-карталинцев охарактеризована на примере ее аристократического городского варианта (сцена «В доме князя»), демонстрирующего миксацию признаков элитарной и локальной (восточно-грузинской) субкультур. Фигура аджарца-вольничика, сказителя, путешествовавшего по всем областям Грузии, может восприниматься как символ духовного единства грузин. Комплекс «Праздничная культура грузин» с ядром в виде сцены «Застолье под открытым небом» позволил продемонстрировать разнообразные формы утвари и подчеркнуть также культурную значимость такого жанра речевого искусства грузин, как тост.

В подразделе «Армяне» варибельность форм армянской культуры передана посредством показа локальных особенностей костюма и интерьера жилища. Подраздел «Азербайджанцы» построен на сравнении субкультуры оседлой городской среды, указывающей на южные, восточно-анатолийские и западно-иранские связи народов Южного Кавказа, и субкультуры тех групп азербайджанцев, которые вели полукочевой образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством. Яркой культурной особенностью этих групп, известной у нескольких этносов Малого Кавказа, являлось участие женщин в летнем выпасе скота вдали от дома (сцена «На яйлаге»).

Важнейшим результатом использования регионального подхода явилось более полное отражение этнической картины регионов. Так, впервые характеризуется культура абхазов, для чего была выбрана тема «Абхазская кузница», где акцентирован типичный для абхазов синкретизм производственных и сакральных признаков. Презентация культур малочисленных народов Южного Кавказа осуществлена преимущественно на основе предметов костюма.

Среди народов Средней Азии наиболее сложный состав имеют узбеки, традиционная культура которых на экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» охарактеризована двумя основными субэтническими вариантами: культурой населения равнинных оазисов, именовавшегося сартами, и так называемых даштикипчакских узбеков, которые вели полукочевой образ жизни. Культура сартов представлена в контексте темы города как центра социальной и культурной жизни каждого оазиса. Одна из витрин посвящена культуре властной элиты и содержит манекен бухарского сановника в

парадной одежде, церемониальное оружие и предметы парадной конской упряжи. Центральное место в разделе, посвященном культуре узбеков-сартов и равнинных таджиков, занимает экспозиционный комплекс «Базар», создающий образ торговых рядов как средоточия жизни каждого восточного города. Названный комплекс включает следующие сцены: «Лавка продавца тканей и набойки», «Мастерская медника», «Гончарная мастерская», «Представление кукольного театра». Объемная витрина содержит часть условного интерьера самаркандского жилища, где развернута обстановочная сцена «Обряд положения в колыбель». Особенности культуры полукучевых узбеков подчеркнуты посредством экспонирования шерстяных изделий в технике узорного и ворсового ткачества, составляющих яркий контраст с хлопчатобумажной и шелковой текстильной продукцией оазисов.

Культуру таджиков, этноса, также имеющего субэтнические группы, характеризует вышеупомянутый «сартовский» городской комплекс и отдельная тема «Культура горных таджиков», в которой представлены артефакты из таких областей, как Каратегин и Дарваз, имеющих яркую локальную специфику культуры. Так, своеобразны упомянутые выше свадебные атрибуты, интересны такие приспособления для передвижения, как «кошки», обувь на шипах, надувной мешок из шкуры теленка для сооружения плотов, особенно актуальные ввиду отсутствия колесного транспорта. Манекен охотника характеризует важность охоты как подсобного занятия в условиях дефицита плодородной земли в горной зоне.

Населяющие Бадахшан припамирские народности являются этническими группами, чьи весьма архаичные традиции восходят к индоарийскому генетическому пласту. Их культура представлена лепной женской керамикой и элементами жилища со срубным перекрытием.

Культура кочевых и полукучевых народов Средней Азии и Казахстана репрезентируется как общая модель, отдельные «модули» которой представлены на разном этническом материале. Приемы ухода за скотом, костюм и снаряжение пастуха, сцена перекочевки и охота с ловчей птицей охарактеризованы при использовании киргизских предметов. Кочевое сборно-разборное жилище (юрта) и его убранство, наиболее ярко характеризующее кочевой быт, представлены на основе казахских и каракалпакских коллекций. Приемы обработки шерсти и шерстяные изделия в разных техниках (войлоковаления, ковроткачества, узорного ткачества) показаны на примере памятников культуры всех кочевников региона.

На обеих экспозициях ярко в качестве завершающей темы поданы музыкальные инструменты — образ гармоничного звучания всех сфер народной культуры как особого феномена человеческого бытия.

Предметный и фотографический ряд двух экспозиций дополнен мультимедийными программами с материалами справочного характера, значительно дополняющими информацию экспозиций. На экспозиции «Народы Южного Кавказа» — это мониторы «Грузины», «Армяне», «Азербайджанцы», тексты и иллюстрации которых организованы по единой структуре: «География», «Этническая история», «Поселения и жилище», «Пища», «Костюм», и др. На экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана» имеется объемная программа «Этническая история Средней Азии и Казахстана», а также видеофильм о детской и свадебной обрядности узбеков, неизменно вызывающий интерес у посетителей.

На экспозиции «Народы Южного Кавказа» впервые при освещении отдельных тем и разделов привлечен существенно больший объем этнографических фотографий из собрания РЭМ, что стало возможным благодаря использованию электронных фоторамок, работающих в режиме слайд-фильма. Например, в разделе «Армяне» рамка в витрине «Религия» включает виды монастырей и храмов, портреты священнослужителей, снимки обрядовых действий, что помещает предметный комплекс в необходимый контекст. Каждая из фотографий как остановленное мгновение воздействует на эмоциональное восприятие посетителя, помогая ему почувствовать атмосферу повседневной жизни рубежа XIX—XX вв.

Подводя итоги, полагаем, что можем подчеркнуть те результаты, которые были достигнуты при использовании регионального подхода в создании экспозиций «Народы Средней Азии» и «Народы Южного Кавказа»:

— проведены отсылки к региональным культурным общностям разного масштаба (религиозным, цивилизационным, историко-политическим, хозяйственно-культурным), которые включили тот или иной народ в свою «орбиту», формируя его культурный облик;

— более рельефно показана значимость двух главных аспектов этнической культуры — культурно-региональной адаптации и этнических ценностей;

— отражена связь природных условий и основных занятий населения как основы общности региональной культурной модели; показано сходство культурных черт разных этносов, проживающих в одной природно-экологической зоне;

— более реально отражена этническая картина регионов, в том числе и за счет демонстрации памятников культуры малочисленных и этнодисперсных народов регионов;

— экспозиционными средствами удалось нагляднее раскрыть многочисленные взаимосвязи населения регионов и тем самым препятствовать упрощенному восприятию проблем региональных межэтнических отношений;

— отражена связь центра (город) и периферии (степные, горные области) региональной культуры, охарактеризованы формы взаимодействия между этими зонами;

— произведена акцентуация идейно-ценностных компонентов этнической культуры народов Южного Кавказа и Средней Азии: впервые во вводных темах последовательно религиозные традиции представлены как основа мировоззрения, идентичности и многих черт культурного своеобразия народов обоих регионов;

— сделан акцент на наиболее ярких маркирующих чертах этнической культуры, что способствует пониманию посетителем реалий быта народов обоих регионов и создает предпосылки для формирования в сознании жителя мегаполиса их толерантного гетеростереотипа.

¹ Авторы экспозиции «Народы Средней Азии и Казахстана»: С.В. Дмитриев, Т.Г. Емельяненко, Л.Ф. Попова, О.В. Старостина. Авторы экспозиции «Народы Южного Кавказа»: Е.Ю. Гуляева, Л.С. Гушян, В.А. Дмитриев, Л.А. Слостникова, С.А. Столыпина. Дизайнеры экспозиционных проектов: В.М. Глазков и Б.А. Робенко.

² Герасименко Е.Е. Первая экспозиция Этнографического отдела. 1923—1927 гг. // Музей. Традиции. Этничность. XX—XXI вв. Мат-лы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея. — СПб., Кишинев, 2002. — С. 336—341.

³ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. — Вып. VII. — М., 1971. — С. 9—121.

⁴ Гамбург Б.З., Морозова А.С., Студенецкая Е.Н. Проблема соотношения традиционной культуры и современности в экспозиции ГМЭ народов СССР. VII МКАЭН (отд. оттиск). — М., 1964. — С. 3—8.

⁵ См. напр.: Угринович Д.М. Обряды: за и против. — М., 1975; Суханов. И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. — М., 1976; Крывелев И.А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении // Советская этнография. — 1977. — № 5. — С. 36—45; Руднев В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы. — Л., 1979; Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. — М., 1985; Крывелев И.А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении. — С. 36—45.

⁶ Баранова И.И. Показ современности в ГМЭ народов СССР (поиски и проблемы) // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 25—35.

⁷ Айзард У. Методы регионального анализа. — М., 1966; Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь, М., 1983; Этнические факторы в жизни общества / Под ред. Бабич И.Л., Миссоновой Л.И., Новиковой М.Н., Носенко Е.Э. — М., 1991; Этнические проблемы регионов России / Под ред. Дубовой Н.А., Лопуленко Н.А. — М., 2002; Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизм самоорганизации и региональная политика. — М., 2001. — С. 104.

⁸ Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. — СПб., 1999. — С. 4.

⁹ Томилов Н.А. Этноархеология и метод конструирования этноархеологических комплексов // Методика комплексных исследований культур народов Западной Сибири. — Томск, 1995; Он же. Этноархеология и этнографо-археологические комплексы // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. — Новосибирск, 1996; Он же. Этноархеология: Учебное пособие. — Омск: Изд-во Омского ун-та, 2003; Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций. — Екатеринбург — Ханты-Мансийск, 2010.

¹⁰ Этнография: Учебник / Под ред. Бромлея Ю.В. и Маркова Г.Е. — М., 1982. — С. 21, 229—303.

¹¹ Кобычев В.П. Типология кавказского народного жилища // VII МКАЭН (отд. оттиск). — 1964. — С. 3—12.

¹² Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. — 1947. — № 2. — С. 84—86; Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. — 1955. — № 4. — С. 3—17; Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Советская этнография. — 1968. — № 2. — С. 21—34; Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // Советская этнография. — 1970. — № 6. — С. 15—26; Вайнштейн С.И. Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // Всесоюз. науч. сессия, посвящ. итогам полевых исследований 1970 г.: Тез. докл. — Тбилиси, 1971. — С. 47—50; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. — 1972. — № 2. — С. 3—16.

¹³ Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. — М., 1994; Григулевич Н.И. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. — М., 1996; Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. — М., 2005; Этническая экология: народы и их культура / Отв. ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. — М., 2008; Этнос и среда обитания. — Вып. 1—3 / Ред. Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьева Л.Т., Ямсков А.Н. — М., 2009—2012. — С. 11—35.